

Отче наш *** Анализ молитвы

Материалы для занятий по теме «Духовная безопасность»

Составитель: протоиерей Андрей Хвыля-Олинтер

Отче нашъ, ѿже еси на небѣхъ,
да свѣтитсѧ ѿма твое, да прїидетъ
цѣлѣніе твое: да вѣдетъ вола твоа,
ѿко на небѣхъ и на земли. хлѣбъ нашъ
насѣщный дѣждь намъ днесь, и остави
намъ долги наша, ѿкоже и мы
оставляемъ должникомъ нашимъ: и
не введи насъ во искушенїе, но избави
насъ ѿ лукаваго.

תפילת התלמידים

אבינו שבשמים יתקדש
שמה. תבא מלכותך יעשה
רצונך בארץ כאשר נעשה
בשמים. תן לנו היום לחם
חקנו, וסלח לנו את
אשמתינו כאשר סלחים
אנחנו לאשר אשמו לנו.
ואל תביאנו לידי מסה, כי
אם הצילנו מן הרע. כי לך
הממלכה והגבורה
והתפארת לעולמי עולמים
אמן:

Евангелие от Матфея (Матф.6:5-15).

5 *И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.*

6 *Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.*

7 *А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны;*

8 *не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.*

9 *Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое;*

10 *да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе;*

11 *хлеб наш насущный дай нам на сей день;*

12 *и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим;*

13 *и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.*

14 *Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный,*

15 *а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших.*

(Матф.6:5-15)

Евангелие от Луки (Лук. 11:1-13)

1 *Случилось, что когда Он в одном месте молился, и перестал, один из учеников Его сказал Ему: Господи! научи нас молиться, как и Иоанн научил учеников своих.*

2 *Он сказал им: когда молитесь, говорите: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе;*

3 хлеб наш насущный подавай нам на каждый день;

4 и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.

5 И сказал им: [положим, что] кто-нибудь из вас, имея друга, придет к нему в полночь и скажет ему: друг! дай мне займы три хлеба,

6 ибо друг мой с дороги зашел ко мне, и мне нечего предложить ему;

7 а тот изнутри скажет ему в ответ: не беспокой меня, двери уже заперты, и дети мои со мною на постели; не могу встать и дать тебе.

8 Если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит.

9 И Я скажу вам: просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам,

10 ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.

11 Какой из вас отец, [когда] сын попросит у него хлеба, подаст ему камень? или, [когда попросит] рыбы, подаст ему змею вместо рыбы?

12 Или, если попросит яйца, подаст ему скорпиона?

13 Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святаго просящим у Него.

(Лук.11:1-13)

Хлеб → ХЛЕБ → ХЛЕБ → Христос + Любовь + Есть + Бог

[САЙТ СВЯЩЕННИКА](#)

Константина Пархоменко

<https://azbyka.ru/parkhomenko/molitva-zapovedannaya-gospodom.html>

Молитва, заповеданная Господом

Оглавление

- [Молитва «Отче наш»](#)
- [«Научи нас молиться!..»](#)
- [О том, как советовал молиться Христос](#)
- [Структура Молитвы Господней](#)
- [Отче наш](#)
- [Иже еси на небесех](#)
- [Да святится имя Твое](#)
- [Да придет Царствие Твое](#)
- [Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли](#)
- [Хлеб наш насущный даждь нам днесь](#)
- [И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим](#)
- [И не введи нас во искушение](#)
- [Но избави нас от лукавого](#)
- [Яко Твое есть Царство и сила, и слава во веки. Аминь](#)
- [Заключение](#)
- [Примечания](#)

Молитва «Отче наш»[△]

Среди всех молитв, которые существуют у христиан, среди тысяч и тысяч сочиненных за всю христианскую историю есть одна небольшая Молитва, являющаяся образцом, *иконой* всякой другой молитвы.

На нее написано несметное количество комментариев, она истолкована подвижниками и богословами всех культур и времен, и все равно она остается в каком-то смысле сокровенной. Краткость и кажущаяся простота Молитвы Господней обманчивы. Автор самого фундаментального на сегодняшний день исследования по Евангелию

от Матфея, швейцарский библеист Ульрих Луц замечает: *«Прошения Отче наш настолько кратки и сформулированы настолько открыто, что лишь в немногих случаях можно однозначно установить их смысл. Я не считаю такую открытость текста недостатком, который экзегетам следовало бы в меру их способностей по возможности исправить. Напротив, в открытости молитвы Отче наш как раз и заключается ее сила: бесчисленное множество людей смогло обрести в ее словах выражение своих надежд и прошений, жить ею. Поэтому я исхожу из того, что открытость этой молитвы намеренная. В экзегезе нужно не сужать, а раскрывать горизонт ассоциаций...»*

В самом деле, при размышлении над словами этой молитвы мы порой не можем определенно сказать, что означает та или иная ее фраза, потому что диапазон смыслов может быть весьма велик. Но, даже не вполне понимая всю глубину смысла слов молитвы, мы чувствуем, что она отвечает на какие-то наши глубинные вопросы, удовлетворяет духовные потребности. В некотором смысле, мы все понимаем общий смысл слов этой молитвы, но, кроме того, каждый имеет и что-то свое, личное, связанное с пониманием слов молитвы, со звучанием ее в нашей душе. Через это Молитва Господня приобретает многообразие оттенков смысла и значений.

Итак, молитва, которую оставил ученикам Сам Господь Иисус Христос. Причем, единственная молитва, которую Он оставил нам!

В этой небольшой работе мы разберем и прокомментируем Молитву Господню. Мы привлечем как современных специалистов по Новому Завету, так и святых подвижников и богословов. Не сомневаюсь, что наше с вами маленькое исследование позволит вам глубже узнать и понять самую главную христианскую молитву, а также обогатит нашу духовную жизнь некоторыми весьма важными открытиями.

«Научи нас молиться!..»[^]

У Евангелиста Луки читаем: *Однажды ко Христу обратились ученики: Господи! Научи нас молиться, как и Иоанн (Креститель) научил учеников своих... И Спаситель, в ответ на эту просьбу, дает ученикам молитву.*

Евангелист Матфей иначе описывает происхождение этой молитвы – она была дана Христом во время торжественной Нагорной проповеди.

Итак, в Евангелиях мы находим две версии истории происхождения этой молитвы и два ее варианта: у Луки ([Лк. 11:2-4](#)) и у Матфея ([Мф. 6:9-13](#)).

Варианты эти несколько разнятся. Лука приводит всего пять прошений молитвы, Матфей предлагает более развернутую версию – семь прошений. Есть и другие отличия.

Почему так? Какой вариант молитвы дал Христос? Может быть, Он дал оба варианта? А может быть, вариантов было больше, просто до нас дошло только два? Разберемся с этим.

Итак, молитву *Отче наш* действительно дал Христос, она не явилась плодом творчества ранней Церкви.

Христос постоянно общался с людьми, и сложно предположить, что в этих беседах речь не заходила о молитвах и Иисуса не просили дать какую-нибудь *авторскую*, выражающую Его учение молитву. Христос мог давать эту молитву разным аудиториям много раз. И вряд ли Спаситель строго придерживался какого-то одного текста. Общая структура сохранялась, но какие-то элементы могли изменяться.

Чтобы понять это, нам нужно абстрагировать от культуры, к которой мы принадлежим. Мы, имея молитвы в молитвословах, просто не представляем себе другой формы молитвы, кроме как читать напечатанное. Многие сегодня боятся что-то изменить, пропустить или добавить хоть слово к напечатанному тексту. Но во времена Христа в иудейской культуре все было иначе. Молитвы не были записаны. Их помнили и произносили наизусть, и иудейские учителя не просто допускали, а даже рекомендовали, чтобы молящийся каждый раз в свою молитву вкладывал что-то новое, идущее от сердца. Целый ряд раввинистических текстов прямо запрещают дословное произнесение молитв: «*Только не надо (молиться так), как будто читают письмо... Нужно каждый день добавлять к (предписанной молитве) нечто новое*» (Брахот 4.4.8).

Когда иудейские учителя давали ученикам молитвы, они могли что-то в них изменять, добавлять или сокращать. По-видимому, Христос действовал точно так же. Если бы Христос заповедал молиться какими-то конкретными словами, дал бы четкую формулу Молитвы, то вряд ли мы имели бы у Матфея и Луки разные версии молитвы. Значит, самое

верное предположение, что Молитва Господня имела некое общее содержание, модель, форму, а некоторые детали могли в ней изменяться.

В памяти Церкви сохранилось три варианта этой молитвы: в Евангелии Матфея, в Евангелии Луки и в знаменитом документе начала II века *Учение Апостолов* (Дидахи)[\[1\]](#). Община Луки (греко-язычная) приняла один вариант, община Евангелиста Матфея (иудео-христианская) приняла другой. Молитва у Луки выглядит более спонтанной, как считают современные библеисты – скорее всего, этот вариант точнее передает непосредственные слова Христа. У Матфея молитва имеет лексическую огранку и черты традиционной иудейской молитвы, поэтому возможно предположить, что первоначальные слова Христа подверглись незначительной редакции. Произошло это еще до Матфея, возможно, в контексте литургического использования этой молитвы иудео-христианской общиной.

Интересно, что для богослужебного и личного молитвенного использования Церковь приняла вариант Евангелиста Матфея.

О том, как советовал молиться Христос[^]

Евангелист Матфей помещает *Отче наш* в контекст учения Христова о молитве. То, как учит Спаситель молиться, и будет кристаллизовано далее в Его Молитве, данной ученикам.

И когда молишься, — говорит Спаситель, — не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.

Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого; ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь ([Мф. 6:5-13](#)).

...Наверное, ни у одного из народов того времени молитва не ставилась так высоко, как у евреев.

Всякий взрослый мужчина должен был молиться три раза в день: утром, днем и вечером: Вечером и утром и в полдень буду умолять и вопиять, и Он услышит голос мой, – говорит Псалмопевец ([Пс. 54:18](#)).

Молиться можно было и в любое другое время. Так, например, работая в поле или по дому, многие евреи напевали псалмы или произносили спонтанную молитву.

И Христос, и Апостолы часто цитируют псалмы, многие из них они знают наизусть – многие благочестивые иудеи того времени знали и всю Псалтирь наизусть.

Кроме того, был назначен преимущественный день для молитвы – суббота. В этот день нужно было посетить синагогу, а потом возносить к Богу домашние молитвы.

В Своей речи о молитве, приведенной выше, Спаситель критикует две группы людей: тех, кто молится напоказ, и тех, кто молится многословно, как язычник. Что имеет Христос в виду?

Первые – это фарисеи и подражающие им люди.

Молиться *в синагогах* – скорее всего, молиться громко, привлекая внимание.

Молиться *на углах улиц*, или можно перевести: *на перекрестках*, означало следующее: некоторые люди стремились оказаться на улице в то время, когда звук труб Иерусалимского храма в три часа пополудни даст знак к вечернему жертвоприношению (отсюда трогательное, известное нам по Литургии Преждеосвященных Даров – Да исправится молитва моя, яко кадило, пред Тобою: воздеяние руку мою — жертва вечерняя ([Пс. 140:2](#)).)

Молиться именно в это время не было обязательным, иудею предписывалось молиться утром, днем и вечером, однако точные временные рамки не задавались. Но некоторые люди старались синхронизовать время своей молитвы с храмовым жертвоприношением. Само по себе это не плохо, просто такое своего рода усиленное благочестие, но проблемой это становится, когда такой человек старается в это самое время оказаться на глазах большого количества людей. Понятно, что тут уже мы видим не благочестие, а некую игру на публику.

По словам Христа, поступающие так люди ведут себя именно как актеры, они лицемерят. Слово *ипокрити*, переведенное у нас как *лицемер*, означало комедиант, актер, тот, кто *играет* перед толпой.

Интересно, что в иудейских текстах времен Христа мы не находим подобных запрещений. Молитва *напоказ* не проблематизируется, на нее просто не обращают внимания, как, например, не обращают внимания в мусульманских странах на человека, расстелившего молитвенный коврик посреди оживленной улицы. Этот человек совершенно спокойно мог бы расстелить свой коврик в стороне или зайдя к себе в дом, но вот ему захотелось молиться именно так, на глазах у всех. Может быть, кто-то иронично и отметит такую показную форму молитвы у собрата, но в принципе внимания на такое поведение не обращают.

Да, для окружающих, может быть, вреда никакого в этом и нет, но вред есть, несомненно, для человека, поступающего таким образом.

Вот Христос и предупреждает учеников, что, молясь напоказ, мы вредим душе. Молитва не только не выполняет своей функции, она используется прямо противоположным образом. Вместо общения с Богом получается шоу для публики, и вместо духовного обогащения человека происходит его деградация. Такая «молитва» напоказ тешит самомнение человека, превозносит его в собственных глазах перед другими, надмевает.

Интересно, что Сам Иисус любит уединяться для молитвы.^[2] И ученикам Своим Он дает такой же совет: *Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.*

Комната здесь (греч. *тамион*) – кладовка, комнатка без окон, которая всегда была в палестинском доме. В более широком смысле это просто любая потайная комната в доме.

Нет никакого практического смысла в том, чтобы наша молитва совершалась в уединении от посторонних глаз. Некоторые библеисты предположили, что эти тексты были актуальны в тот период, когда Церковь была гонима, вот тогда христианам действительно нужно было находить потайные комнаты для своих молитв. Однако это едва ли так.

То, что христиане с самых первых дней молились не только «в кладовках», но и на совместных собраниях, с родственниками, друзьями и т.д., показывает, что Церковь не понимала слова эти буквально. Значит, смысл этих слов в чем-то другом.

Вероятно, смысл запрета именно в духовной пользе такой молитвы. Когда мы совершаем молитву не напоказ, а ради нее самой, ради общения с Богом, только такая молитва может иметь смысл и пользу.

Вторая линия критики Христа направлена против языческой молитвы: Молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.

Ключевое слово для понимания этого отрывка наши переводчики затемнили: в оригинале вместо «не говорите лишнего» стоит греческий глагол *бамталогео*, дословно означающий *пустословить, болтать*. Этот глагол называется оноματοпоэтическим, то есть образованным посредством звукоподражания. При быстрой речи, в которой повторяются одни и те же слова, создавалось впечатление, что человек многократно повторяет слово *бамта*. (Русский пример ономопоэтического слова – глагол *бубнить*, образованный от часто повторяющихся *бу-бу-бу* в тихой и невнятной речи.)

Какая языческая болтовня имеется в виду? Скорее всего, нагромождение эпитетов богов, или заклинаний. Подобную пустую болтовню в отношении собственных богов критиковали и языческие авторы^[3].

Как примирить этот запрет Христа с традицией произнесения многократно повторяющихся молитв, принятой с древнейших времен в Церкви? Один автор хорошо подметил, что Лютер, язвительно критикующий в свете этих слов Христа традицию католического розария, где многократно повторяется «Радуйся, Марие», как-то упустил из виду, что его собственное богослужение наполнено часто повторяющимися «Господи, помилуй»...

А мы, православные, можем вспомнить о любимой подвижниками, да и простыми верующими ***Иисусовой молитве***.

Здесь нужно сказать, что Христос не запрещает долгую молитву, причем молитву, в которой есть повторения. Сам Спаситель часто и долго молился, причем неоднократно повторял раз произнесенную молитву: Он отошел опять и помолился в третий раз, сказав то же слово ([Мф. 26:44](#)). Христос одобряет упорство и даже настойчивость в молитве, вспомним замечательную притчу о настойчивой вдове,

приведенную Спасителем в качестве примера такой *желательной* настойчивости:

Сказал также им притчу о том, что должно всегда молиться и не унывать, говоря: в одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился. В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила: защити меня от соперника моего. Но он долгое время не хотел. А после сказал сам в себе: хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне. И сказал Господь: *слушайте, что говорит судья неправедный? Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? сказываю вам, что подаст им защиту вскоре* ([Лк. 18:1-9](#)).

В таком случае, против чего направлена критика Христа?

Спаситель осуждает не вообще многословную молитву, но такую, когда многословие является средством, чтобы быть услышанным.

Бог – наш любящий Отец. Он слышит нас и готов отозваться. Нельзя думать, что наше многословие что-то изменит в Его отношении к нам, как-то расположит Его, побудит скорее откликнуться.

Итак, молитва напоказ и молитва, которая должна *заставить* Бога откликнуться... Можно ли сказать, что эти две ключевых ошибки, принятые у людей его времени, нас не касаются?

К сожалению, касаются! В современной церковной жизни священник постоянно встречается с подобными порочными подходами к молитве. В первом случае прихожане подчеркнута истово, так, чтобы заметили другие, совершают крестное знамение, поклоны, выстаивают церковную службу. Во втором случае многие обращаются к священнику с вопросом: какую молитву читать и кому конкретно молиться, чтобы Бог *наверняка* услышал и помог.

В связи с вышесказанным – какую молитву Христос Спаситель считает *правильной*?

Молясь, нужно понимать, что это – живое общение нашей личности с Личностями Отца, Сына и Святого Духа. Поэтому наша молитва должна быть искренней, исходящей от души. Никогда молитва не должна быть просто ритуалом, тем, что обозначают сегодня словом «вычитывание». Мы можем молиться в уединении, можем молиться в обществе других людей, но всегда молитва должна быть молитвой, то есть нашим общением с Богом.

Мы должны помнить, что Бог любит нас и слышит. Бога невозможно привлечь на свою сторону, расположить к нашей просьбе, через какую-то определенную комбинацию слов. Единственное, что Бог от нас ждет, – наше любящее сердце и искренность.

Знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него! – говорит Христос, и мы недоумеваем: стоит ли вообще молиться, если Бог и так знает все наши нужды?.. Стоит, потому что, обращаясь к Богу, мы входим в личное общение с Ним, показываем, что мы действительно призываем Его, хотим увидеть исполнение в нашей жизни Его воли. Через молитву мы наши желания, сокрытые в душе и являющиеся достоянием нашей личности, обнаруживаем, являем пред Богом и призываем Его в соучастники нашей судьбы.

Кстати, рассмотрим слова Христа: *Знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него* – вот еще в каком новом ракурсе: в свете иудейского богословия времен Христа. **Иудеи считали, что при наступлении Нового века, или Царства Божьего, все прошения людей будут исполняться до их произнесения: Прежде нежели они воззовут – Я отвечу (Ис. 65:24).**

Об этом же – древняя иудейская молитва Хавиену: *«Прежде чем мы воззовем, Ты ответишь»*^[4] и другие подобные указания в раввинистических текстах.

То, что, по словам Христа, Бог знает и будет исполнять наши молитвы еще прежде прошения, свидетельствует о том, что Царство Божие уже в каком-то смысле пришло в наш мир и присутствует здесь. Мы – причастники и участники Царства, которое начинается здесь и сейчас.

А теперь – к самой Молитве Господней.

Знаменитый древнехристианский памятник Дидахи (нач. II в.) предписывал произносить ее три раза в день. Как иудеи молятся трижды в день, так и христиане произносят свой гимн веры и надежды трижды!

Св. Киприан Карфагенский (III в.), называвший Молитву Господню «компендиумом небесной доктрины», увещевал христиан: «Будем произносить слова Ходатая нашего. Он Сам говорит, что, о чем бы мы ни просили Отца во Имя Его, даст нам. Посему испросим все, что нужно нам, во имя Христа и получим, если будем просить Его же молитвою».

Молитва Господня отражает то отношение к молитве, которое было у Христа. Она – немногословна и не злоупотребляет ни

льстивыми титулами Бога, ни фальшивыми уверениями, которые были характерны для иудейских молитв, да встречаются и в христианстве («*Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Владычице...*») Не имея ничего против этой искренней и мелодичной молитвы, все же каждый раз, читая ее, мысленно поражаюсь, мягко говоря, преувеличению авторов этой молитвы. Неужели совсем-совсем никто, кроме Богородицы, не помогает нам? Зачем тогда молиться святым? А Самому Господу?).

Структура Молитвы Господней[^]

Начиная комментарии к Молитве Господней, прежде всего, упомянем о ее структуре.

Молитва эта построена по определенной схеме. Схема эта соответствует иудейским молитвам того времени. Всякая молитва должна была состоять из трех частей:

- Прославление Бога (шевах – shevah);
- Личные просьбы к Господу (тефиллах – tephillah);
- Завершение молитвы (ходайах – hodayah).

В молитве, данной Спасителем ученикам, отчетливо представлены все три эти элемента: за вступительным *Отче наш*, *Иже еси на небесех* следуют три обращения к Богу, Его святости, Царству и воле, далее просьбы, касающиеся повседневных людских нужд. Завершается молитва славословием: «яко Твое есть Царство и сила, и слава во веки. Аминь».

Кроме того, каждая каноническая иудейская молитва должна содержать 7 просьб (7 в иудаизме – священное число полноты). В Молитве Господней мы находим именно 7 прошений.

В основу Своей молитвы Христос положил известную иудейскую молитву *Каддиш*. Она звучит так: «Да возвеличится и освятится великое имя Его [Бога] в мире, который Он сотворил по Своей воле. Да установит Он Свое Царство при вашей жизни и в ваши дни и во дни всего дома Израилева вскорости и в ближайшее время...»

Однако можно заметить и явные различия иудейской *Каддиш* и христианской *Отче наш*.

В *Каддиш* хвала Богу выражена глаголом в третьем лице – «*Да возвеличится и освятится великое имя Его...*»

В Молитве Господней употреблен глагол второго лица, в виде призыва, с обращением *Ты* и доверительным *Отче*.

Христианская молитва, несомненно, менее официальна; она подразумевает такое обращение к Богу, какое возможно только в семье, между детьми и родителями.

В *Каддиш* упоминание Божественной воли ограничивается только актом творения мира: «...*который Он сотворил согласно Своей воле*», кроме того, создается впечатление, что Царство Божие должно наступить только для дома Израилева.

В *Отче наш* мы молимся, чтобы Божья воля распространялась на всякое событие, происходящее во вселенной: «на небеси и на земли». То есть, христианская молитва более космична, она рассматривает весь мир (и земное, и небесное) как место, которое должно принять волю Божию, стать территорией Его Царства.

В Молитве Господней Христос сознательно сводит воедино различные обращения и просьбы и выстраивает их в соответствии с иерархией ценностей.

Вот алгоритм этой иерархии ценностей:

Обращение к Богу: *Отче наш*;

Прославление Его и Его воли: *да святится, да приидет, да будет...*;

После этого – просьбы о наших повседневных нуждах.

И еще одно: заметим, что во всех обращениях и просьбах этой молитвы мы употребляем местоимение множественного числа: *Отче наш, долги наши* и проч. Свидетельствует ли это о том, что Молитва Господня является коллективной, что ее можно читать только в христианском собрании, или ее можно назвать и личной? Безусловно, это молитва и коллективная, и личная.

Во времена земной жизни Спасителя молитвы всегда произносились во множественном числе. Это правило распространялось также и на молитвы, возносимые в одиночестве. Таким образом просящий отождествлял свои нужды с нуждами всего собрания и всего иудейского народа; показывал, что он не сам по себе, но представитель священного Божьего Народа – Израиля. В перспективе Нового Завета каждый взывающий к Богу словами молитвы *Отче наш* представляет собой Новый Израиль, новый Народ

Божий и, молясь лично, возносит молитву как один из членов великого Тела Христова — Церкви.

До нас Молитва дошла на греческом языке, но первоначально она была дана Христом на арамейском, то есть, на разговорном языке того времени. Это значит, что Христос хотел, чтобы ее использовали не только в особые священные молитвенные минуты (тогда она была бы дана на древнееврейском), но постоянно, в повседневности. В пользу того, что Молитва была дана на арамейском, можно сказать, что многие ее слова при переводе с греческого на арамейский имеют эквивалент, а в древнееврейском языке такого эквивалента для слов Молитвы часто не находится.

Интересно, что в арамейском варианте (в 1960-е годы Молитву гипотетически перевели на арамейский язык) она имеет ритмическую стихотворную структуру. Она легко запоминается и легко произносится, примерно как церковнославянский текст по сравнению с тяжеловесным русским.

Отче наш[^]

«Когда небеса грохочут, а океаны режут, они зовут Тебя:

Господь Саваоф наш, Владыка сил небесных!

Когда падают звезды, и из земли вырывается огонь,

они говорят Тебе: Творец наш!

Когда по весне цветы раскрывают бутоны,

и жаворонки собирают сухие травинки,

чтобы свить гнездо для своих птенцов,

они поют Тебе: Господин наш!

А когда я поднимаю глаза к престолу Твоему,

то я шепчу Тебе: Отче наш!»

Св. Николай Сербский

Иудейский мыслитель Мартин Бубер писал: «Величайшим достижением Израиля было не то, что он выработал учение о Едином Истинном Боге, Который также и Единственный, источник и конец всего сущего, а в том, что он указал на самую возможность разговаривать с Ним, говорить Ему Ты, предстоять перед Лицом

Его. Израиль первым осознал и действительно стал жить в соответствии с тем, что жизнь есть диалог человека и Бога».

Учение о Едином Истинном Боге! Это поистине величайшее религиозное учение человечества. Мы верим, что оно родилось не как результат умственных размышлений. Это Богооткровенное учение, то есть то, что некогда открыл человеку Сам Господь.

Бог – Творец Ангелов, космоса и человека. Все от Него получило бытие и обретет конец и смысл всего тоже в Боге. Человек осознает, что он – любимое творение и чадо Божие, и вместе с тем трепещет от осознания огромной дистанции между ним, грешным, и великим святым Богом. Человеку не только не запрещено общаться с Богом, но заповедано это; впрочем, человек всегда должен осознавать дистанцию, отделяющую его от Бога.

Из такого отношения к Богу складывалось ветхозаветное благочестие.

При всем этом, при знании о Едином Истинном Боге, при возможности с Ним общаться, Ветхий Завет не дерзал назвать Бога Отцом отдельного человека.

Первый, кто делает такой шаг, – Иисус Христос. Он Сам осознает Бога уникальным, личным образом. Для Него – Бог в первую очередь не космический Вседержитель, а Отец. Такое же отношение к Богу Иисус передает Своим ученикам.

Все молитвы Иисуса начинались с доверительного и личного слова *Abba* – Отче. После того, как Спаситель научил учеников так обращаться к Богу, это слово, в общем домашнее, личное, стало в Церкви общеупотребительным. Заповедуя нам так же обращаться к Господу, Христос хочет, чтобы Его последователи усвоили Его опыт отношений с Богом, как с Отцом.

Что же нового и необычного было в таком обращении к Богу? Современный общепринятый русский и славянский переводы не совсем верно отражают смысл арамейского слова. Если *Отче* звучит официально, торжественно, несколько сухо, то *Авва* на языке оригинала – это нежное слово. Это и первое слово, которое произносит еврейский ребенок, нежный лепет к своему отцу, что-то похожее на наше *папа, папочка...* Это же нежное обращение взрослого сына/дочери к родителю. Это также подчеркнуто уважительное обращение к пожилому человеку.

Словом *Авва* Бога в Израиле никто не называл! Однако после Христа именно такое обращение к Богу становится в христианстве основным. Более того, специфическое арамейское слово *авва* входит в лексикон греко-язычных христиан:

«Преимущество (называть Бога Отцом) дано Новому Израилю – христианам: им дана власть быть чадами Божиими и звать: Авва Отче» (блаж. Августин). *Смотрите, – восклицает Иоанн Богослов, – какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими (1 Ин. 3:1).*

Апостолы постоянно подчеркивали, что вера христианская делает нас сыновьями и дочерьми Божиими, и такое право дал нам не кто иной, как Христос! Он, Спаситель, ...*верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими (Ин. 1:12).*

Святые, размышляющие о тайне того, что христианам позволено называть Бога нежным словом *Отец*, не переставали удивляться Божественному человеколюбию. Св. Киприан Карфагенский писал: *«О, какое к нам снисхождение, какое обилие благоволения и благодати Господа, когда Он дозволил нам называть Бога Отцом, а себя именовать сынами Божиими... Никто из нас не дерзнул бы употребить это имя в молитве, если бы Он Сам не дозволил так молиться»*. Св. Кирилл Иерусалимский восклицает: *«Какое превеликое Божие человеколюбие. Отпадшим от Него (от Бога) и дошедшим до крайности во зле даруется такое прощение всего худого и такая благодать, что они именуют Его Отцом»*.

Святитель Иоанн Златоуст в свойственной ему образной и эмоциональной манере подчеркивает разницу между Богом и человеком, между Вечным и тварным: *«Посмотри, возлюбленный, на ничтожество твоей и моей природы, вникни в сродство ея — в эту землю, пыль, грязь, глину и пепел, потому что мы созданы из земли, и опять, наконец, разлагаемся в землю. Представь это и удивляйся непостижимому богатству великой благодати к нам Божией, по которой заповедано тебе называть Его Отцом, земному — нетленного, смертного — бессмертного, тленному — нетленного, временному — вечного»*. Одним кратким словом – «Отец», по мысли святых учителей Церкви, перебрасывается мост между двумя природами, бесконечно отстоящими друг от друга: Божественной и человеческой.

Святые отцы говорили вот еще о каком горизонте этого нового нашего статуса – считать себя детьми Божиими, а Его – Отцом: любой

христианин – призван становиться подобным Его возлюбленному Сыну – Иисусу Христу. Как пишет Ап. Павел, Бог нас определил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями ([Рим. 8:29](#)).

В Крещении мы невидимо, но реально соединяемся со Христом, потом, во время помазания благоуханным маслом – миром, на нас изливается благодать Духа Святого, опять же делающая нас, по словам св. Кирилла Иерусалимского, «как бы *христами*» (Христос, с греческого, – *Помазанник*).

Став едиными со Христом, мы можем затем в течение нашей христианской жизни реализовывать этот дар и наше призвание сына/дочери Божией.

Если мы можем называть Бога Отцом, значит, мы действительно усыновлены, значит, мы наследники обетованных благ и силы Духа Святого. Мы приняли не духа рабства, чтобы опять *жить* в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: “Авва, Отче!” Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться ([Рим. 8:15-17](#)).

Всякий ли может назвать Бога – Отцом? Хотя мы говорим, что любой человек мира – возлюбленное дитя Божие, право называть Бога Отцом – преимущественное право того, кто признает Иисуса Христа как Спасителя. Это Он, Иисус, еще раз напомним слова ап. Павла, *...верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими* ([Ин. 1:12](#)). *«Только тот может назвать Отцом Бога нашего, кто по благодати познал его как Отца, и тот зовется сыном, кто вкусил Отеческой любви..., кто увидел, что сам он наг..., кто познал своего Благодетеля, Который облек его в дорогую одежду и назвал отныне сыном Своим по благодати»* (старец Иосиф Исихаст).

Святые отцы отмечали, что дар называть Бога *Отцом* – первый и основополагающий дар в бесконечной цепи благодатных даров и милостей нам от Бога. *«У кого есть Отец, тот чувствует себя под мощным крылом, огражденным от всякой опасности; чувствует, что ему нет нужды ни о чем беспокоиться. Все будет – и пища, и одежда, и кров, и что ему стоит только обратиться к Отцу, когда чего захочет, и все получит... – пишет блаж. Августин, – ибо в каком уже прощении откажет сынам Своим Бог, когда даровал им прежде всего власть быть чадами Божьими...»*.

«В самом деле, тот, кто называет Бога Отцом, одним этим наименованием исповедует уже и прощение грехов, и освобождение от наказания, и оправдание, и освящение, и искупление, и сыноположение, и наследие, и братство с Единородным, и дарование Духа...» (св. Иоанн Златоуст).

Возможность называть Бога Отцом есть великий дар! Однако это не просто дар, но и ответственность. Если мы называем Бога Отцом, значит, мы претендуем на то, чтобы Он нас в ответ называл *верными* сыновьями и дочерьми. *«Нам следует помнить, когда мы называем Бога нашим Отцом, мы должны поступать как сыны Божию»* (св. Киприан Карфагенский). *«Ясно, что если не имеет кто сколько-нибудь разума, то, не усматривая в себе того же, что в Боге, не осмелится сказать Ему: Отче. Ибо не естественно Благому по сущности – стать Отцом лукавого в поступках, и Святому – Отцом оскверненного по жизни, Неизменяемому – Отцом изменчивого, Отцу жизни – Отцом умерщвленного грехом, Чистому... – Отцом опозоривших себя страстями бесчестия, Благодетелю – Отцом любостяжателя, вообще Тому, Кто представляем во всяком добре, – Отцом пребывающих в каком-либо зле»* (св. Григорий Нисский).

Святитель Иоанн Златоуст говорит об этом же более решительно: *«Вы не можете называть Отцом вашим всеблагого Бога, если вы сохраняете сердце жестокое и бесчеловечное; ибо в таком случае в вас больше не остается знака благости Отца Небесного»*. *«Поэтому сказать Отче наш имеют право одни те, которые, после чудесного рождения в Божественном Крещении, по новому и необычайному закону чревоношения, проявляют себя истинными сынами Божиими»*, добавляет св. Исидор Пелусиот. Если же такие великие и ответственные слова, как *Отец наш*, произносит тот, чей отец диавол, что видно из поступков такого человека, то *«речение сие прямо будет оскорблением Бога и злословием»* (св. Григорий Нисский).

Говоря Богу *Отче*, мы учимся новому опыту отношений с Ним. Как ребенок *врастает* в отношения с матерью, отцом через ежедневный личный опыт общения с ними, так и мы, обращаясь к Богу не иначе, как к Отцу, переживая на себе самих Его отеческую любовь, заботу, выйдем на совершенно новый, подлинно христианский, уровень отношений с Богом.

...Всесторонне разобрав первое слово этой молитвы, остановимся несколько подробнее на втором ее слове: *наш*.

Это слово, как говорилось ранее, роднит Молитву Господню с иудейскими молитвословиями. В иудейской традиции принято было говорить о том, что Израиль – единое целое, членами которого являются все евреи. Еврейское предание гласит, что все поколения израильского народа в семени родоначальников и предков присутствовали на горе Синай и участвовали в заключении Завета, все давали Богу обещание верности. В конце же времен, после наступления Мессианского Царства, все израильтяне воскреснут на святой горе Сион для новой жизни. Эта общность основывается на мысли, что все евреи имеют прародителем Авраама, и, таким образом, вследствие своего происхождения евреи всегда рассматривали себя как одну разбросанную по всему свету большую семью. Соответственно и молиться еврей должен был от лица всей общины. Именно поэтому он произносил молитву во множественном числе. Во всех молитвах еврей говорит *Бог наш*, потому что, по словам Талмуда, «человек (во время молитвы) всегда объединяет свою душу с общиной» (Мишна. Брахот. 29).

Теперь ясно, почему Спаситель предлагает молиться ученикам именно так. Помимо того, что это было привычно и близко Его последователям, в первую очередь, этим подчеркивается та богословская идея, что христиане – преемники древнего народа, они – Новый Израиль. Если для вхождения в Ветхий Израиль необходимо было принадлежать к определенному народу, нации, то условие, необходимое для вступления в народ Нового Израиля, — духовное родство, родство по духу. Подтверждая идею о том, что Его последователи составляют новый народ, Христос специально избирает двенадцать учеников (апостолов), наподобие древнего Израиля, образованного из двенадцати колен. Церковь — новый, эсхатологический Израиль, с которым Бог вступает в Новый Завет.

С другой стороны, в возможности называть Бога *нашим* Отцом есть отчетливо выраженный нравственный смысл: множественное число взрывает рамки индивидуалистического благочестия!

У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа ([Деян. 4:32](#)).

Христианство провозглашает конец обособленности от других. Мы – братья и сестры, родные друг другу! *«Испытанная нами любовь к Богу и Его к нам – радикально меняет и психику, и мышление наше. Всякая вражда между людьми – братьями представляется страшным безумием»* – архим. Софроний (Сахаров).

Когда мы готовы не просто произносить устами, но свидетельствовать всем сердцем, что Бог не *мой*, но *наш*, тогда мы поняли центральную мысль Нового Завета – о любви, которой прежде мир не знал. Это любовь космических масштабов. Она всех впускает в наше сердце; там всем должно хватить места...

Мы молимся за других и знаем, что другие молятся за нас. Это дивный круг, хорос любви... *«Отче наш, Ты Отец наш, а мы братья во Христе – Твоем Сыне Единородном; Ты всех нас одинаково любишь, обо всех одинаково помышляешь, а потому я, первый из грешников, дерзаю молиться не о себе только, но и о всех братьях моих, как и они все молятся за меня недостойного, — дерзаю просить милостей Твоих не себе только, но и всей Церкви Твоей, как и она вся единым сердцем и едиными устами просит того же для меня непотребного»* (блаж. Феофилакт). *«У нас всенародная и общая молитва, и когда мы молимся, то молимся за весь народ, потому что мы все составляем едино. Бог – наставник мира и согласия, поучавший единству, заповедал, чтоб каждый из нас – один молился за всех, как Он один носит в Себе всех»* (св. Киприан Карфагенский).

«Мы не можем обойтись без кого-либо, — пишет Поль Клодель в своей «Песне Пальмиры». – И в самом холодном скупце, в грязной проститутке и несчастном пьянице живет святое дыхание бессмертной души и за пределами света дневного творит ночную молитву. Я слышу их говорящих, когда мы говорим, и плачущих, когда я становлюсь на колени. Я принимаю все! Я принимаю всех, всех понимаю, и нет никого, в ком бы я не нуждался и без кого я мог бы обойтись! Есть много звезд на небе, и число их неисчерпаемо для моего разумения, и, однако, среди них нет ни одной, что была бы мне не нужна, дабы воздать хвалу Господу. Есть много живущих, и нам нелегко различить их сияние, в то время как другие толкуются в хаосе и водовороте темного ила; есть много душ, но нет среди них ни одной, с коей бы я не был соединен тем святым средоточием в ней, что говорит: Отче наш».

Человек существует лишь в сообществе со всеми, его судьба тесно переплетена с судьбами тысяч и миллионов других людей. Мы объединены с другими людьми общностью греха и искупления, в единстве мистического Тела Христова. Существует две модели коллективизма. Одну можно условно назвать моделью механизма. Каждый человек здесь — винтик огромной машины, единого процесса. Если деталь выходит из строя, ее без ущерба для механизма можно

заменить. Также можно заменить деталь на более дешевую. Человек в такой модели лишь обеспечивает процесс работы механизма. Главное – это механизм, его работа.

Существует и другая модель коллектива. Ее можно условно назвать моделью *тела*, или *организма*. Это — Церковь. Здесь каждый человек – член одного великого *Тела – Богочеловеческого Организма*. И каждый человек здесь – великая ценность; так ценится нами в нашем теле даже самый маленький орган или член. Человек предстоит перед Богом и совершает с помощью Божией свое служение, служение в *Теле*, в Церкви. А если человек с Богом, т.е. все, что он делает, он делает вместе с Богом и, более того, Сам Бог определил его место в *Теле* (см. [Еф. 4:11-13](#)), может ли кто такого человека заменить?.. Если один член заболевает, то болеет и страдает все *Тело*. И то же самое в радости. Если радуется один член, то радуется и все *Тело*. Вот именно такого рода коллективизм имеет место в христианстве. Каждый член Церкви уникален, и это есть великий христианский персонализм, но эта уникальность не должна вести к автономии, к замкнутости, ибо тогда член отсекается от жизненной энергии, циркулирующей по *Телу*, и такое отторжение от живого организма всегда ведет к смерти. Христианам *завещано* единство, при том, что каждый самоценен и значим и в очах Божиих, и в истории Вселенной.

Иже еси на небесех[^]

Это традиционное библейское выражение совершенно не означает какое-то место в пространстве, но указывает на *образ существования* Бога.

Если во времена ранних книг Ветхого Завета еще считалось, что Бог локален, Он может быть где-то в конкретном месте на небе, то уже в поздних ветхозаветных книгах *небо как место* постепенно приобретает черты *неба как состояния*.

Еще за триста лет до Нового Завета для еврейского *шамаим* (*небеса* как конкретное место) авторы Септуагинты, перевода Библии на греческий язык, использовали слово и в единственном числе – *урану* (когда речь идет о физическом небе), и во множественном числе — *урани*, подчеркивая этим религиозное значение этого термина.

Во времена Служения Христова в сознании иудеев слово *небеса* совершенно конкретно означало не географическое небо, но состояние отделенности, иноприродности всему земному.

Авторы поздних ветхозаветных книг и литературы межзаветных времен, говорящие о Боге как о пребывающем на небесах, стремились показать, что Бог несоизмерим ни с чем земным, Он иной, Он находится вне пределов видимого и умопостигаемого.

Сам Спаситель многократно пользуется этим термином, подчеркивая, что наступает новое время, когда само небо сходит на землю. Так же мыслили и Его ученики. Уже сейчас Бог нас посадил на небесах ([Еф. 2:6](#)), небеса открываются над Его учениками ([Деян. 2:2](#)). Вся наша жизнь должна быть жительством на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа (нашего) Иисуса Христа, Который униженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его ([Флп. 3:20-21](#)) и др.

И хотя в реальности это *небо* еще не сошло, его следует ожидать и всей своей жизнью стремиться к тому, чтобы *небо* уже сейчас сошло на землю и человек стал жить по его законам.

В следующих строках Молитвы Господней мы просим о том, чтобы воля Божия и Его Замысел исполнялись и *яко на небеси, и на земли*. Иначе и жить невозможно, ибо мы, христиане, родились духовно для новой жизни. Мы призваны жить по другим законам и стремиться к иному, к *горнему и небесному*. И это стремление к небу, тоска по небу есть основной вектор духовной жизни христианина. Не для того сказано: *Иже еси на небесех* (Сущий на небесах), чтобы заключить Бога на небе, но для того, чтобы отвлечь молящегося христианина от земли, поставить его в превыспренних странах и горних жилищах, размышляет святитель Иоанн Златоуст. Он пишет: *«Желая научить, чтобы мы оставили землю и земное и не преклонялись вниз, а взяли крылья веры и, взлетев выше воздуха и поднявшись выше эфира, стремились к именуемому Отцу, Он заповедал говорить Отче наш, Сущий на небесах, — не потому, чтобы Бог находился только на небесах, но чтобы нас, пресмыкающихся по земле, расположить к стремлению на небеса и, озарив красотой небесных благ, обратить туда все наши желания»*.

Бог не связан пространством, Он пребывает везде и, тем более, в душах и сердцах тех, кто принимает Его. Поэтому небесами могут быть названы и люди, носящие в себе Бога: *«Небесами же могут быть те, которые носят образ небесного и в которых Бог вселился и ходит»*, – пишет св. Кирилл Иерусалимский. Ему вторит блаж. Августин: *«Итак,*

справедливо слова Суший на небесех разуметь так, как бы сказано было: суший в сердцах праведных, как в храме Своем».

Мы видим, что для святых отцов было важно показать, что слова *Суший на небесах* имеет не абстрактное значение для нашей жизни, лишь показывая местоположение Бога, но значение самое непосредственное. Эти слова нам говорят, что во всех христианах, стремящихся к святости, к небесному, будет обитать Бог. Душа христианина, произносящего *Суший на небесах*, должна пламенеть от осознания нашей цели, которая есть достижение богоподобия; мы должны алкать и жаждать того, чтобы *стать небом*, и чтобы в нас жил и обитал Бог.

Да святится имя Твое[^]

В библейской культуре *имя* означало его носителя, точнее даже, власть и авторитет носителя имени. Поэтому выражение *да святится имя Твое* правильно понять как *да сядишься, прославишься Ты, Боже! Пусть люди узнают, Кто Ты, признают Твою власть и авторитет.*

Сложность этой фразы в другом, а именно: Кто должен *святить* Бога? Он Сам или люди?

В Ветхом Завете мы встречаемся с примерами, когда Сам Бог святит Свое Имя: ([Лев. 10:3](#); [Иез. 36:22-23](#); [38:23](#); [39:7](#)). И с примерами, когда святят Имя Божие люди своими добрыми делами ([Исх. 20:7](#); [Лев. 22:32](#); [Ис. 29:23](#)). В некоторых местах встречаются оба аспекта.

Поэтому параллели с Ветхим Заветом не могут ответить нам на вопрос, что же имел в виду Христос под этими словами.

Может быть, нам помогут источники времен Христа? Если мы обратимся к древней иудейской молитвенной практике, то увидим, что там преобладают тексты, в которых субъектом освящения являются люди.

Самая важная параллель к Молитве Господней – иудейская молитва *Каддиш*. Здесь мы читаем: «*Да возвеличится и освятится великое имя Его [Бога] в мире...*». Складывается впечатление, что Имя Бога должно святиться людьми.

В связи с этим, скорее всего, Иисус и имел в виду, что Имя Божие должно славиться-святиться людьми. Это то, что выражено в Нагорной проповеди главой раньше: Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы

они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного ([Мф. 5:16](#)).

Именно так понимало эту фразу большинство святых отцов.

Об этом важно сказать и в связи с тем, что в XX веке появилась тенденция понимать это прошение в эсхатологическом ключе. То есть, что в этих словах мы молим не о прославлении Имени Бога людьми, а о том, чтобы Бог Сам прославил Свое Имя.

Как Он может это сделать? Осуществив преобразование Вселенной и установив новый мир.

Вот, например, что об этом говорит автор единственного на сегодня полного русского комментария на Евангелия В.Н. Кузнецова: «*Страдательный залог указывает на то, что действующим лицом является Бог, поэтому это предложение можно было бы перевести так: “Сделай Свое Имя святым, или освяти Свое Имя”*» (Евангелие от Матфея. Комментарий).

В таком случае, это прошение становится в один ряд со следующим: *Да приидет Царствие Твое*. То есть, и здесь, и там мы молимся о скором наступлении новой реальности, Царства Божьего.

Действительно, в греческом языке там стоит императив аориста (в англ. – страдательный залог), что указывает, что субъектом освящения Имени является Бог и речь идет об однократном вмешательстве Бога ради Своего Имени. Но мы помним, что греческий текст – перевод подлинных слов Иисуса, прозвучавших на арамейском. Арамейский имперфект совсем не означает того, что означает греческая форма. Арамейский вариант допускает, что речь идет и об освящении Имени здесь и сейчас и не только Богом, но и людьми.

Таким образом, следует, скорее всего, признать верность традиционной святоотеческой экзегезы. В этих словах мы просим о том, чтобы Имя Божие (Он Сам) прославлялось делами людей.

Существует еще одно очень интересное направление понимания этих слов, которое углубляет все вышесказанное. Ветхозаветные пророки жаловались на то, что Израильский народ обесчестил Имя Божие:

И теперь что у Меня здесь? говорит Господь; народ Мой взят даром, властители их неистовствуют, говорит Господь, и постоянно, всякий день имя Мое бесславится ([Ис. 52:5](#));

Когда дом Израилев жил на земле своей, он осквернял ее поведением своим и делами своими...

И Я излил на них гнев Мой за кровь, которую они проливали на этой земле, и за то, что они оскверняли ее идолами своими. И Я рассеял их по народам, и они развеяны по землям...

И пришли они к народам, куда пошли, и обеславили святое имя Мое... И пожалел Я святое имя Мое, которое обесславил дом Израилев у народов, куда пришел. Посему скажи дому Израилеву: так говорит Господь Бог: не для вас Я сделаю это, дом Израилев, а ради святого имени Моего, которое вы обеславили у народов, куда пришли. И освящу великое имя Мое, бесславимое у народов, среди которых вы обеславили его, и узнают народы, что Я Господь, говорит Господь Бог, когда явлю на вас святость Мою перед глазами их (Иезек. 36:17-23).

Суть в том, что Бог доверил Свое Святое Имя избранному народу, а они унизили и подорвали славу Имени (то есть, мнение людей о Боге). Иезекииль утверждает, что Бог восстановит Свое Имя, соберет из рассеяния народ Свой и обновит дух его:

И возьму вас из народов, и соберу вас из всех стран, и приведу вас в землю вашу. И окроплю вас чистой водою, и вы очиститесь от всех скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас. И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное. Вложу внутрь вас дух Мой и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих и уставы Мои будете соблюдать и выполнять. И будете жить на земле, которую Я дал отцам вашим, и будете Моим народом, и Я буду вашим Богом. И освобожу вас от всех нечистот ваших, и призову хлеб, и умножу его, и не дам вам терпеть голода. И умножу плоды на деревьях и произведения полей, чтобы вперед не терпеть вам поношения от народов из-за голода. Тогда вспомните о злых путях ваших и недобрых делах ваших и почувствуете отвращение к самим себе за беззакония ваши и за мерзости ваши. Не ради вас Я сделаю это, говорит Господь Бог, да будет вам известно. Краснейте и стыдитесь путей ваших, дом Израилев. Так говорит Господь Бог: в тот день, когда очищу вас от всех беззаконий ваших и населю города, и обстроены будут развалины, и опустошенная земля будет возделываема, быв пустынею в глазах всякого мимоходящего, тогда скажут: «эта опустелая земля сделалась, как сад Едемский; и эти развалившиеся и опустелые и разоренные города укреплены и

населены». И узнают народы, которые останутся вокруг вас, что Я, Господь, вновь создаю разрушенное, засаждаю опустелое. Я, Господь, сказал – и сделал (Иезек. 36:24-36).

Молитва о святости Божьего Имени, которая практикуется иудеями, – это молитва о том, чтобы Бог так действовал через Свой народ, чтобы все остальное человечество мира обратилось к Богу и почтило Его.

Когда Христос повелевает Своим ученикам так молиться, Он имеет в виду, что теперь прославлять имя Божие будет лучшая часть Израиля – его ученики, христиане.

У святых отцов встречаем целую палитру мнений и советов о том, как Имя Божие должно в нас святиться. Мы не будем приводить множество замечательных цитат, ограничимся лишь одной: *«При содействии Твоей помощи да соделаюсь неукоризненным, справедливым, благочестивым, буду воздерживаться от всякого дела злого, говорить истину, делать правду, ходить по правоте, отличаться целомудрием, украшаться нерастлением, мудростью и благоразумием; мудрствовать горнее, презирать земное, прославляться ангельским житием»* (св. Григорий Нисский).

Да придет Царствие Твое[^]

Само выражение *Царствие Божие*, или *Царствие Небесное*, – древнееврейская идиома, означающая время, когда в мире установится правление Божие, Его царствование. Для евреев этот термин обозначал наступление новой эры, где правителем будет Бог, где будут установлены новые отношения с людьми и со всем мирозданием.

Моление о наступлении этого времени было неотъемлемым элементом иудейских молитв. Вспомним Каддиш: *«Да установит Он Свое Царство при вашей жизни и в ваши дни и во дни всего дома Израилева вскорости и в ближайшее время...»*

Иисус также заповедует ученикам молиться о наступлении Царства Божьего.

Однако между иудейскими молитвами о наступлении Царства Божьего и словами Христа есть различия.

Из иудейских молитв мы знаем, что часто уточнялось, какое это должно быть Царство. Это время, когда враги (напр., языческие

державы) будут побеждены, когда установится та или иная вожденная иудеями политико-социальная система, кроме того, указывалось время, когда это Царство должно прийти. Ничего этого в словах Христа нет. Здесь не уточняется, каким должно быть Царствие Божие. *«Это очень похоже на Иисуса: Он и в других местах не прорисовывает пришествие Божьего Царства, не фиксирует его по времени и отодвигает на задний план его политические и национальные аспекты»* (У. Луц).

Хотя Христос считает, что Царство Божие наступит в будущем, Он уверен, что в каком-то смысле, это Царство присутствует и открывается уже сейчас, в Его Служении. Исцеления людей, чудесные насыщения, изгнания бесов – приоткрывают реальность Царства Божьего, в котором не будет ни больных, ни голодных, ни бесов.

Наш мир, к сожалению, все еще живет под знаком бесовского правления, сатана назван князем мира сего ([Ин. 12:31](#)). Дьявол проник во все сферы жизни. В политике царят жажда власти и жестокость, в экономике – жадность и хитрость, в культуре – культ чувственных наслаждений... Весь мир все еще лежит во власти лукавого (см. 1 [Ин. 5:19](#)). Но заря новой реальности уже разгорается, время наступления Царствия Божьего приблизилось.

Все изменило Пришествие Христово: *Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон* ([Ин. 12:31](#)).

Отныне Бог начинает действовать в нас, и через нас Его воля (Его Царство) распространяется в мире; можно сказать, что мы входим в *правление* Божие. Уже сегодня мы, живущие в преддверии Царства, являемся свидетелями того, как Божественное сходит на землю. Чудеса, сверхъестественные явления, как бы преодолевающие законы природы, нетленные и благоухающие останки святых, – что это, как не указание на то, что в естественном проявляется сверхъестественное, что Небо *касается* земли...

Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли[^]

Первая часть разбираемого нами прошения – *да будет воля Твоя* – может вызвать у нас недоумение. Разве воля Божия не совершается абсолютно и независимо от нас?.. Зачем молиться о том, что от нас не зависит?.. Ответ не так однозначен, как кажется на первый взгляд.

С одной стороны, мы знаем замечательные слова ап. Павла о том, что *Бог хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины*

([1 Тим. 2:4](#)). С другой стороны, мы признаем, что Священное Писание свидетельствует: не все люди спасутся, и будут среди людей осужденные. Значит, не всякая воля Божия непреложна... И предел воле Божией — воля человеческая. Свободная человеческая воля — вот препятствие для Бога, вот то, что Он Сам создал, но что нарушать не будет.

Бог сам создал человека, но именно потому, что Он человека любит и уважает, Он хочет, чтобы человек выбрал добро самостоятельно. Бог не может *принудить* злодея сделать выбор в пользу добра, потому что такое подавление свободы есть зло, а Бог не может делать зла, это противоречит Его природе. Бог может взывать к человеку, иногда вразумлять, в крайнем случае наказывать, но не может *растоптать* свой величайший дар – человеческую свободу.

Вот почему корректно говорить о том, что воля Божия *может не исполняться* там, где есть свободное творение, там, где есть человек.

И мы как христиане призваны способствовать обратному: тому, чтобы воля Божия (воля добра и смысла) осуществлялась в мире, как она осуществляется в небесной вышине, в Ангельском мире, где нет злой, самолюбивой воли, а есть лишь послушание Богу.

Если мы перечитаем слова этого прошения Молитвы, мы увидим, что просим не о чем другом, а именно о том, чтобы воля Божия исполнялась на земле, *яко на небеси* – как на небе. *«Ибо что значат слова: да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли, как не то, что да будут люди – подобны Ангелам, и как сии исполняют волю Божию на небе, так и все живущие на земле да творят не свою, а Его волю»* (авва Исаак Скитский).

Отдельный вопрос – как узнать, в чем состоит воля Божия? Воля Божия состоит в нашем освящении и спасении. А как конкретно этого достичь, повествуют Священное Писание и Предание Церкви.

Кроме таких высоких вещей, как праведность, святость и другие, Церковь учит, что мы вообще все происходящее с нами должны принимать со спокойной душой и доверием Богу. Бог знает, что нам полезно, а что нет, без воли Божией с нашей головы не упадет ни один волос. Поэтому христианин должен хранить спокойствие и доброжелательность ко всем людям, с которыми он встречается, и ко

всем ситуациям, с которыми сталкивается. По мысли преп. Исаака Скитского, слова да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли, «никто не может произнести с полным чувством, кроме тех, кто верует, что Бог все, что кажется нам несчастьем или счастьем, устраивает к нашей пользе, и что Он более промышляет и заботится о нашем спасении и благе, нежели мы сами о себе».

«Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день. **Дай мне всецело предаться воле Твоей святой...**» – учат нас молиться преподобные Оптинские старцы. А св. прав. Иоанн Кронштадтский уточняет и раскрывает эту мысль так: «Когда ты хочешь быть здоров и всеусильно стараешься быть безболезненным и здоровым, а между тем остаешься все болен, говори: **да будет воля Твоя**; когда предпринимаешь что, а предприятие не удастся, говори: **да будет воля Твоя**; и когда делаешь добро другим, а тебе платят злом, говори: **да будет воля Твоя**; или, когда, например, ты хочешь спать, а у тебя бессонница, говори: **да будет воля Твоя**; вообще, не раздражайся, когда что-либо делается не по твоей воле, **и научись во всем покоряться воле Отца Небесного**. Ты хотел бы, чтобы не было с тобой искушений, а между тем тебя враг ежедневно томит ими, разжигает, утесняет всячески, – не раздражайся, но говори: **да будет воля Твоя**».

Далее в Молитве Господней начинается блок, состоящий из трех прошений с местоимением *мы* и *наш*. Множественное число *мы* показывает, что молящийся не является изолированным я и что он находится в контексте социальных связей в христианской общине.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь[^]

Чтобы понять, о чем идет речь в этом прошении, нужно разобраться со словом *насущный*, которое является основным и самым трудным пунктом этого прошения.

В оригинале Евангельского текста стоит слово *epiúsios*. Ни в ветхозаветной, ни в греческой античной литературе это слово не встречается.

Что оно означает, и, таким образом, о каком хлебе мы молимся?

На этот счет существует несколько гипотез.

Согласно первой: *epiúsios* произведено от предлога *epi* (в русском: *на*) и *usia* (*сущность, существо*). Если слово понимать таким образом,

оно будет означать: «хлеб, нужный для нашего существования, необходимый для нас, дай нам сегодня». Такой точки зрения придерживались св. Иоанн Златоуст, св. Григорий Нисский, св. Василий Великий, блаж. Феофилакт, Евфимий Зигабен и многие другие.

Согласно другой версии, слово *epiusios* происходит от *epi* и *ini*, что в переводе означает *приходить, наступать*. И в этом контексте слово следует перевести: «хлеб наступающего (завтрашнего) дня дай нам». Так считали Ориген, блаж. Иероним, св. Амвросий, авторы «Евангелия от Евреев» и др. Что это за хлеб? Это Евхаристия, или Небесный Хлеб. Закреплению такого толкования послужило чтение молитвы *Отче наш* перед причастием.

«Второе толкование невозможно, так как оно предполагает наличие развитой христологии, понятия Евхаристии и мышления в категориях **сущности**, возникшие позже. Кроме того, против него говорит этимология. Плодотворные филологические дискуссии показывают, что все соединения слова *epi* с производными корня *ini* должны приводить к элизии (опусканию) буквы *i*; то есть слово правильно звучало бы *epusios*» (У. Луц).

Тогда, может быть, верен первый вариант?

Тут есть сложность. Как мы помним, Молитва Господня была дана на арамейском языке и только впоследствии, при написании Евангелий, была переведена на греческий. Таким образом, слово *epiusios* — это слово, подобранное Евангелистом, а не использованное Самим Иисусом Христом.

И тут возникает серьезный вопрос. Зачем Евангелист использует крайне редкое слово, если говорит о таких простых вещах? В греческом есть много слов, которыми можно было бы передать арамейский эквивалент слова *ежедневный, необходимый для жизни*.

Кроме того, против данного понимания слова говорит вышеупомянутая филологическая сложность возведения слова *epiusios* к соединению *epi* и *usia*.

Тогда как понимать это слово и, соответственно, всю фразу?

В 20-м веке появилась еще одна гипотеза. Она связывала *насущенный* хлеб с *сегодняшним* хлебом. Смысл фразы получается такой: «хлеб на нынешний день, дай нам сегодня». В этом случае прошение этой молитвы намекает на типичную картину того времени. Во времена Спасителя хозяйки мололи муку и пекли хлеб каждый день на рассвете, кроме дня субботы. Этот хлеб назывался *сегодняшним*

или *ежедневным*. Потом этот хлеб брали с собой мужчины, отправляющиеся по делам: в поле, в мастерскую, этим хлебом в течение дня питалась вся семья.

Если вспомнить слова Христа: Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? ...потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне... довольно для [каждого] дня своей заботы ([Мф. 6:31-34](#)), то такое предположение кажется вероятным.

Но, как бы такое толкование ни было логичным и даже привлекательным, против него опять же выступает филология. Не будем углубляться в детали, просто скажем, что такое понимание этого слова тоже весьма проблематично.

Есть еще одна версия понимания этого слова, поддерживаемая сегодня многими учеными.

Самое вероятное и филологически оправданное толкование этого прошения мы получим, если возведем *epiusios* к *epiusa* (*день грядущий, день будущий, день завтрашний*). Это слово многократно использовалось в эллинистическое время, причем в среде, близкой к Новому Завету (у Иосифа Флавия встречаем его 33 раза, в новозаветной книге Деяний 3 раза). По законам греческого языка образование *epiusios* от *i epiusa* совершенно оправданно и логично.

Кроме того, *epiusios* в смысле «завтрашний хлеб» дает апокриф II века «Евангелие от Назареев». Знал такое толкование в III веке и Ориген.

Если принять эту гипотезу, то весь текст прошения будет звучать так: «*хлеб наш завтрашний дай нам сегодня*». С первого взгляда кажется, что это глупость, но если пристальней посмотреть на этот текст, то он не покажется таким уж глупым.

Такое толкование вписывается в ситуацию, в которой жили первые христиане. В ситуации социального притеснения наличие пищи на следующий день не было гарантированным и само собой разумеющимся. Особенно такая ситуация была характерна для наемных поденных работников (в те времена огромной категории людей, к чьему кругу часто принадлежали христиане). Такой работник не был уверен, что он найдет работу завтра, а значит, будет ли у него завтра пропитание.

Заповедуя молиться о *завтрашнем* хлебе, возможно, Христос хотел показать, что Бог знает наши нужды, не оставит в беде, но даст

минимум, необходимый для жизни и сегодня, и завтра. Речь идет о выживании, а не о процветании.

Есть и еще более глубокие причины, которые позволят нам допустить правоту такого толкования. Возможно, Христос хотел, чтобы шокирующая необычность прошения – «хлеб наш завтрашний дай нам сегодня» – подвигла человека к размышлению, что бы это значило? **Может быть, Евангелист, употребивший это слово (а какое употребил Христос мы не знаем), хотел, чтобы мы под завтрашним днем понимали не просто следующие сутки, а нечто большее, может быть, «День Господень», «Царство Божие»?**

Потому что и они могут быть названы завтрашним днем, правда, в переносном значении^[5].

Таким образом, христиане этими словами молятся о том, чтобы Господь, Который несомненно не оставил нас сегодня, не оставил бы нас без своей заботы и завтра.

И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим[^]

Это прошение прозрачно для толкования: мы просим Бога простить нам наши грехи, как и мы прощаем тех, кто виноват пред нами (это выражено в традиционной иудейской форме словом – *должники*). Греческое слово *ofiletis*, переведенное как *должником*, обозначает человека, задолжавшего нечто материальное (деньги, пищу и т.д.). Грех в иудаизме понимался тоже как долг.

В своем варианте Молитвы Господней Лука вместо «долги» употребляет форму «грех». Вероятней всего, это редакция Евангелиста Луки. Его аудитория – христиане из язычников. Эти люди могли не знать, что в традиционной иудейской культуре грех часто назывался долгом. Чтобы не путать своих читателей, Лука расшифровал мысль Христа, употребив другое слово.

Кажется, что все и так понятно, поэтому и говорить здесь не о чем. Между тем, здесь есть, на что обратить особое внимание.

Первое: Обратите внимание на то, что здесь грех назван *долгом*. Христос действительно так понимал грех, о чем мы встречаем неоднократные указания ([Лк. 7: 41-43](#); [16: 1-8](#); [Мф. 18: 23-35](#)). В святоотеческие времена грех стали называть греческим словом *амартия*, что значит «непопадание в цель», «промах», «ошибка». Мы,

пастыри, часто в проповедях любим говорить, что, когда человек грешит, он искажает замысел Божий о нем, что он идет по ложному пути, который приведет его погибель, и прочее, и прочее.

Все это верно, но еврейское «долг» – жестче.

Жизнь по-Божьему – наш долг! Мы должны быть благодарны Богу за дар жизни на земле, за обещание нам Вечной Жизни, за Его помощь за милости, которыми Он благословляет нас. Вера и следование заповедям – не просто прекрасный путь, к которому призван человек, а *долг, обязанность*.

Слова Христа своей жесткостью как-то отрезвляют. Мы не можем быть неверующими и безнравственными, потому что нарушаем самую прямую и непосредственную нашу обязанность.

Второе: Обратите внимание, что во фразе, которую мы разбираем, Божие прощение связывается с человеческим прощением – остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим (прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим). В иудаизме времен Христа встречается мысль, что Божье прощение связано с человеческим. В неканонической книге *Премудрости Иисуса, сына Сирахова*, читаем: *Прости ближнему твоему обиду, и тогда по молитве твоей отпустятся грехи твои* ([Сирах 29:2](#)). То же встречаем в Талмуде.

Но никогда эта мысль у евреев не включалась в самый главный молитвенный текст. Христос же эту мысль включает в Свою Молитву, тем самым показывая принципиальную ее важность. Мысль эта должна быть постоянно перед нашими глазами, на наших губах, она накрепко должна впечатлеться в сознание. Это потрясающе ресурсно для нашей духовной жизни! **Мы понимаем, что наша молитва, молитва христиан, – разговор с Богом активно действующего человека!**

Третье: В нашем варианте Евангелий используется более мягкий вариант, нежели это прошение звучало на самом деле. Сегодня точно доказано, что первоначальная форма этого прошения звучит так: *И прости нам долги наши, как и мы простили должникам нашим. Нынешняя форма – как и мы прощаем...* – появляется в более поздних переводах .

То есть первоначальный вариант, завещанный нам Христом, говорил, что мы уже простили всем своим должникам.

Высокая планка! Но христиане первого века не мыслили себя иначе. Не было в них той нравственной расхлябанности, какая, к

сожалению, часто встречается у нас. Сегодня человек может называть себя христианином – и копить злобу, ненавидеть, желать мстить. Мы как-то спокойно относимся к тому, что целуем икону Ап. Иоанна и спокойно игнорируем его слова: *Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей* ([1 Ин. 3:15](#)).

Вспомните, как в разных речениях Христа говорится о прощении. Вот знаменитое: Апостол Петр приступил к Иисусу и спросил: *Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз* ([Мф. 18:21-22](#)).

До «седмижды семидесяти» значит не буквально 490 (70x7), а бесконечно!

Или перечитайте потрясающую притчу. Она одна может расставить в нашем понимании этого вопроса все по местам:

Иисус сказал:

Посему Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими; когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов; а как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и все, что он имел, и заплатить; тогда раб тот пал, и, кланяясь ему, говорил: государь! потерпи на мне, и все тебе заплачу. Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему. Раб же тот, выйдя, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен. Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и все отдам тебе. Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. Товарищи его, увидев происшедшее, очень огорчились и, придя, рассказали государю своему все бывшее. Тогда государь его призывает его и говорит: злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя? И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его ([Мф. 18:23-35](#)).

Смысл притчи в том, что господин простил рабу астрономический долг в десять тысяч талантов. Во времена Христа это бюджет небольшого ближневосточного царства.

Другой же человек задолжал сто динариев (один динарий был заработной платой человеку за день), то есть, долг тоже не пустяковый. **Но притча говорит о том, что то, сколько нам прощено Богом и сколько задолжали перед нами наши ближние, – вещи абсолютно несоизмеримые!**

Только представим, что нам прощены все грехи и обещано Вечное Царствие, где мы будем пребывать на правах детей Божиих! А мы не умеем простить и то малое, в чем перед нами провинились наши ближние.

Резонный вопрос: такой мелочный и по-настоящему злой человек достоин Царствия, достоин царской одежды, перстня на палец, со-наследия Господу?

Кем бы ты, христианин, ни был – от епископа до самого простого неграмотного мирянина: *если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших* ([Мф. 6:15](#))!

Наш современник, митрополит Сурожский Антоний (Блюм), так рассказывает о своем опыте постижения этого прошения Молитвы *Отче наш*:

«Когда я был подростком, у меня, как у всякого мальчика бывает, оказался “смертельный враг”, мальчик, которого я никак не мог переносить, мальчик, который казался мне истинно врагом; а вместе с тем, я уже знал эту молитву. Я обратился тогда к своему духовнику и ему рассказал об этом. Он был человек и умный, и прямой, и не без резкости; он мне сказал: очень просто – когда дойдешь до этого места, скажи: И Ты, Господи, не прощай мне моих грехов, так же, как я отказываюсь простить Кириллу... Я сказал: отец Афанасий, я же не могу... – А иначе невозможно, ты должен быть честен... Вечером, когда я дошел до этого места, у меня язык не повернулся это сказать. Навлечь на себя гнев Божий, сказать, что я прошу Его меня отвергнуть от Своего сердца, так же, как я отвергаю Кириллу, – нет, не могу... Я снова пошел к отцу Афанасию. – Не можешь? Ну, тогда перескочи через эти слова... Я попробовал: тоже не вышло. Это было нечестно; я не мог всю молитву сказать, и только эти слова оставить в стороне; это было недобросовестно, это была ложь перед Богом, это был обман... Я снова пошел за советом. – А

ты, может быть (говорит отец Афанасий), можешь сказать: Господи, хоть я простить и не могу, но очень бы мне хотелось быть способным простить; так, может быть, Ты меня простишь за мое желание простить?.. Это было лучше; я попробовал. Мне не очень хотелось его простить, а вместе с тем где-то такое шевелилось чувство, что – да, пожалуй, и надо бы... И, повторив несколько вечеров сряду молитву в этой форме, я почувствовал, что мое сердце уже не такое окаменелое, что во мне не так кипит ярость, ненависть, что я успокаиваюсь; и в какой-то момент смог сказать: Прости! – я его сейчас, вот тут, прощаю...»

«Нельзя тому и молиться Богу, кто ближнему не оставляет согрешений. Ибо как скажет: “Отче! Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим”... если сам не оставляет? Бог знает сердце человеческое и смотрит на сердце, а не на слова. Итак, какое сердце, такова и молитва его. Когда сердце исполнено злобы, и молитва напрасна. Ибо такой, хотя просит Бога устами, чтобы оставил его согрешения, но сердцем не хочет такого оставления, ибо сам не оставляет. Бог слышит сердце, а не слова. И потому злобный с теми же грехами отходит от молитвы, с какими приходит к молитве, если еще не с большими, ибо сказано: “и молитва его да будет в грех” ([Пс. 108, 7](#))» (св. Тихон Задонский).

*Итак, словами блаженного Августина, «Бог благоволит вступить с нами в уговор. Сие глаголет тебе Господь Бог твой: **отпусти, и отпущу. Не отпустил ты: сам против себя идешь, а не Я.** Итак, отпускайте все, что ни имеет кто в сердце своем против другого. Отпусти от сердца, — будь уверен, что вместе с тем прощаются тебе все грехи твои, словом, делом и помышлением совершенные».*

И не введи нас во искушение[^]

Известный современный библеист Брюс Мецгер, написавший о Молитве Господней целое исследование, так начинает комментарий этого прошения: «Должен признаться, я не до конца понимаю смысл этой мольбы. Хотя я изучал ее длительное время, но я не нашел вполне удовлетворительного толкования просьбы “Не введи нас в искушение”».

В истории толкования было несколько версий. Например, была популярна версия, что под искушением имеется в виду скорбь в последние времена мира. Испытания и гонения, обрушившиеся на

верующих, – все это, говорили сторонники такого понимания, значит последнее и самое великое искушение. То самое, о котором говорится в Апокалипсисе: *Я сохраню тебя от години искушения, которая придет на всю вселенную, чтоб испытать живущих на земле* ([Откр. 3: 10](#)). Значит, смысл прошения в том, чтобы Бог избавил христиан от страшных бедствий при кончине мира.

Впрочем, это мнение, достаточно популярное еще несколько десятилетий назад, не выдерживает критики. Ни в иудаизме, ни у ранней Церкви слово «искушение» (*пейрасмос* – греч.) никогда не связывалось с темой апокалипсиса. Единственная связь – это процитированное выше [Откр. 3:10](#).

Сопоставление этого текста с иудейскими параллелями времен Христа говорит скорее о том, что искушение нужно понимать в смысле «испытание» злом, различными сложными ситуациями, в которые на протяжении жизни попадает человек и может не удержаться, но согрешить.

В кумранском тексте времен Христа читаем: *«Не введи меня в ситуации, слишком тяжелые для меня; удали от меня грехи моей юности и дай, чтобы о моих проступках не вспоминали плохо»* (11QP_s 24, 11-12).

Скорее всего, именно это и имел в виду Спаситель. В этом прошении мы молим, чтобы Господь не попустил нам впасть в испытания выше наших сил, в те испытания, в которых может сломаться наша вера и унизиться христианское достоинство.

Замечательно, что такое понимание этого текста обнаруживаем у подавляющего большинства святых отцов Церкви.

Нам невозможно избежать искушений. Как ветер не поддается нашему контролю, как не поддаются контролю течение реки, погодные условия, так невозможно прекратить искусительное действие на мир дьявола, а также нашего искаженного грехом человеческого сознания. Мы всегда будем *искушаться*, всегда будем *испытываться* либо от лукавых духов, либо от окружающих нас людей. Но в наших силах воспротивиться искушению, не дать ему победить нас и просить помощи в этом у Господа.

Об этом пишет, например, святитель Кирилл Иерусалимский: **«И не введи нас во искушение, Господи. Неужели Господь учит нас молиться о том, чтобы совсем не быть искушаемыми? А как же сказано в другом месте: “Кто не имел опытов, тот мало знает”**

(Сир. 35:10), и еще: “С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения” (Иак. 1:2). Но, может быть, войти в искушение, значит погрязнуть в искушении?

Искушение – подобно некоему потоку, чрез который трудно перейти. Посему одни, не погрязая в искушениях, минуют их, как бы сделавшись искусными пловцами и нимало не увлекаясь ими. А другие не таковы, – входят и погрязают...»

Далее святитель Кирилл приводит замечательные примеры того, как можно выстоять в искушении и как можно пасть: *«Иуда, вошедши в искушение сребролюбия, не переплыл пучины, но погряз и погиб телесно и духовно. Петр же вошел в искушение отречения, но вошедши не погряз, а мужественно переплыв пучину, избавился от искушения».*

Св. Иоанн Кассиан также пишет, что смысл разбираемой нами фразы не в том, чтобы никогда не быть искушаемыми, но в следующем: Господи, *«не позволяй, чтобы мы, подвергаясь искушениям, оказались побежденными (лукавым духом)».* В качестве примеров св. Иоанн Кассиан приводит библейских праведников (Иова, Авраама, Иосифа), которые испытывались много и жестко и, тем не менее, стойко выдержали все испытания и не пали. Такой же точки зрения придерживается и блаж. Августин. По его мнению, искушение сродни экзамену на прочность и христианскую верность: *«Без искушения никто не может сделаться испытанным».*

Итак, искушения не только выявляют брань, ведущуюся дьяволом против всех верующих и, шире, против всех людей, но имеют также положительный аспект. Искушения позволяют нам трезво видеть наши слабости и силы, трезво оценивать наши возможности... *«Без искушений нашей веры, надежды и любви жить нельзя; испытания сокровенностей сердечных необходимы для самого человека, чтобы он сам мог видеть, каков он, и исправиться. Да, искушения нужны, “да откроются помышления многих сердец” (Лк. 2:35), да откроется твердость или слабость наша в вере, знание или невежество, порочность или чистота нашего сердца, надеяние его на Бога или на земное, любовь к себе и тленному или паче всего к Богу»,* – пишет св. Иоанн Кронштадтский.

На этом, собственно, можно было бы и закончить разбор этого прошения, если бы не еще один смущающий вопрос: если мы молимся, чтобы Бог не ввел нас во искушение, значит ли это, что Он искушает

нас? Зачем такая странная игра? Проверка христианина на прочность? Но не жестоко ли это?

Разгадка, возможно, кроется вот где: Мы помним, что Христос дал Молитву Господню на арамейском языке. В ранней Церкви она стала читаться по-гречески и приняла греческую форму. Так вот, дело в том, что арамейская каузативная (побудительная) порода глагола, переданного по-гречески как «не введи», может означать как активное действие, так и поущение. То есть, вполне возможно, что Христос имел в виду следующее: *«не попусти нам впасть в искушение»*.

Это согласуется с известными словами Апостола Иакова: ***В искушении никто не говори: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого*** ([Иак. 1:13](#)).

Об этом же читаем в иудейской книге, написанной незадолго до Рождества Христова и принятой христианами в состав Библии на правах неканонической: Не говори: *«из-за [\[6\]](#) Господа я отступил»*; ибо, что Он ненавидит, того ты не должен делать. Не говори: *«Он ввел меня в заблуждение»*, ибо Он не имеет надобности в муже грешном. *Всякую мерзость Господь ненавидит, и неприятна она боящимся Его. Он от начала сотворил человека и оставил его в руке произволения его. Если хочешь, соблюдеши заповеди и сохраниши благоугодную верность* ([Сирах 16:11-15](#)).

Мы видим, что в этих текстах однозначно говорится, что Бог не может быть виновником зла, не может нас вводить в искушение, чреватое нашим греховным падением.

Получается, что греческий текст противоречит логике нашей веры? Не стоит подходить к этому так строго. *«Это прошение не претендует на то, чтобы задаваться мировоззренческим вопросом относительно того, кто именно производит зло. Скорее, и здесь проявляется то, что было заметно уже во вводных прошениях: человек просит о том, что и сам определяет своим поведением»* (У. Луц).

Но избави нас от лукавого[^]

Эти привычные слова Молитвы Господней на самом деле переводятся с греческого иначе: *«Но избавь нас от зла»*. Наш перевод следует традиционным святоотеческим представлениям, в соответствии с которыми *ponigi* (греч. зло) связывали с сатаной и переводили как *лукавый*.

А на самом деле, что или кто имеется в виду под *poniru*? В мужском или среднем роде стоит это слово в Евангелии? Если в мужском, то речь идет о некоем злом существе. Если в среднем, то о некоем абстрактном зле.

Святые отцы традиционно понимали это слово как стоящее в мужском роде. Отсюда в этом прошении *лукавый*, или *злой*.

Но современные библеисты говорят, что правильнее это слово понимать как стоящее в среднем роде. Большинство примеров у Евангелиста Матфея и во всем Новом Завете говорят в пользу среднего рода. Кроме того, из иудейской литературы неизвестно, чтобы слова *злой/лукавый* означали сатану.

Более того, изучение иудейских молитв времен Христа показывает, что такое слово, как *зло*, там встречалось нередко и оно не имело отношения к сатане, а означало какие-то злые ситуации или неприятности: злые встречи, страдание, злые мысли, злые люди, злые товарищи, злые соседи, жестокий суд и проч.

Вообще, сравнение последней части Молитвы Господней с иудейскими молитвами показывает, что *Отче наш* имела прототипом традиционные иудейские молитвословия. В сборнике *Сидур* мы находим например, такую молитву: «*Не введи нас во грех, в беззаконие или зло; не введи нас во искушение или позор. Не дай никакой порочной склонности возобладать над нами... но дай нам добрые склонности*».

Итак, скорее всего, в этих заключительных словах Молитвы Христос заповедует молиться об избавлении от неприятностей и зол. Такое понимание находим у Ап. Павла: *И избавит меня Господь от всякого злого дела и сохранит для Своего Небесного Царства, Ему слава во веки веков (2 Тим. 4:18)*. И в христианском документе 2-го века Дидахи: «*Помяни, Господи, Церковь Твою, да избавишь ее от всякого зла и усоверишь ее в любви Твоей...*» (Дидахи 10:5).

С другой стороны в Новом Завете, правда, единственный раз, встречаем слово *понирос* в смысле сатаны. Это комментарий Христа к притче о сеятеле: *Ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его (Мф. 13:19)*.

Как уже мы сказали, в Церкви начиная с древнейших времен эти слова были поняты как моление об избавлении от сатаны. Примечательно, что славянские переводчики слово *зло/злой* перевели

как *лукавый*. «Лукавый» значит «изогнутый», «не прямой», «лживый». Почему так назван был сатана? Потому, что в Новом Завете он часто называется лжецом: *Человекоубийца от начала... лжец и отец лжи* ([Ин. 8:44](#))

Не наша задача разбирать тему противостояния Христа или Его учеников сатане, но, раз в церковной традиции слова Молитвы Господней накрепко связались с этой темой, скажу о сатане несколько слов.

Сатана (другие имена: *диавол, лукавый*) – реальное существо, противящееся Богу и крайне злое. Сатана губит не только человека, но и все живое, что хорошо видно на примере исцеления Христом бесноватых. Мы помним много историй о том, как бесноватые мучились, какие страдания претерпевали. Мы также помним историю о том, что однажды бесы (слуги сатаны), изгнанные из одержимого, умоляли впустить их в свиней. Что из этого вышло, все хорошо помнят – свиное стадо погибло в пучине Галилейского озера.

Пришествие Христово нарушило планы сатаны. Можно представить себе злобу и растерянность злых духов, когда они поняли, что их время прошло. Однако замешательство сменилось агрессией. Дьявол пытается убить Христа, он *входит* в Иуду, помогает ему предать Учителя, он рядом, когда толпа кричит: *Распни, распни!*

Однако смерть Христова не принесла сатане желаемой радости. Христос Воскрес!

Может быть, не справившись с Иисусом, сатана способен победить Его учеников? Это бесперспективно. Хотя над неверующими он имеет много власти, над настоящим христианином никакой власти у сатаны и бесов нет. Иисус посылает в мир Своих учеников как тех, кто будет побеждать бесов: И поставил *из них* [из Апостолов] двенадцать, чтобы с Ним были и чтобы посылать их на проповедь, и чтобы они имели власть исцелять от болезней и изгонять бесов ([Мк. 3:14-15](#)).

Почти всякое напутствие ученикам сопровождается призывом давить бесов: *Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью* ([Лк. 10:19](#)), изгоняли их и заклинали (т.е. запрещали им).

Впрочем, сатана, даже понимая, что окончательная победа все равно будет за Богом, даже видя, как его одолевают подвижники христианской веры, все равно продолжает сопротивляться. В Апокалипсисе, последней книге Нового Завета и всей Библии, есть

очень выразительное место. Там мы читаем следующее: *И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатанюю, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним. И услышал я громкий голос, говорящий на небе: ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего и власть Христа Его; потому что низвержен клеветник братьев наших... Когда же дракон увидел, что низвержен на землю, начал преследовать жену, которая родила младенца мужского пола ([Откр. 12:7-10,13](#)).*

Итак: сатана низвержен с неба. И он сразу набрасывается на женщину, родившую младенца. Библиисты и богословы отмечают, что женщина эта олицетворяет [\[7\]](#) древний Израиль, ветхозаветный народ Божий. Древний Израиль – мать Новозаветной Церкви. Новозаветная Церковь только что в муках ([Откр. 12:2](#)) рождена. И вот на нее нападает молнией спадший с неба сатана: И рассвирепел дракон на жену, и пошел, чтобы вступить в брань с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа ([Откр. 12:17](#)).

Итак, сатана, как бешеное животное, напал на Церковь, на христиан, из которых Церковь и состоит. Христиане вступают в бой, который продлится до Второго Пришествия Христова, и мы с вами живем как раз в эти дни. Сатана уже низвержен с неба, но он не сдаётся.

Сатана знает о своем поражении, но он еще жив и продолжает, агонизируя, враждовать против последователей Христа, а в более широком смысле – против всех людей мира, против самого мира. Мы знаем, что конец битвы с сатаной предрешен, диавол будет ввержен в озеро огненное и серное ([Откр. 20:10](#)), и это будет для него окончательной гибелью. Но, пока не наступил день Суда над миром и диаволом, борьба продолжается.

И Церковь предлагает нам выйти на борьбу с сатаной. Стать воинами Христовыми. Ап. Павел наставляет верующих: *Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять. Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною*

и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие ([Еф. 6:11-17](#)).

Итак, вражда сатаны против верующих...

Ап. Петр представляет сатану голодным «рыкающим львом», который ходит вокруг верных и ищет кого схватить, растерзать и проглотить ([1 Петр. 5:8](#)). *«Духи летают в воздухе, и как воздух обнимает нас повсюду, так повсюду окружают нас и духи злобы и непрестанно приступают к нам, как комары в сыром месте»* (св. Феофан Затворник).

Должны ли христиане бояться сатаны? Ни в коем случае! Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола ([1 Ин. 3:8](#)). *Ибо я уверен, — пишет ап. Павел, — что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем ([Рим. 8:38-39](#)).*

Здесь апостол перечисляет опасности, которые, как некоторые считали, могут погубить человека, лишить его Богообщения. Под *Началами* и *Силами* Павел понимает злые ангельские силы. *Высота* и *глубина* здесь – высшая и низшая точки стояния планет, по которым древние язычники определяли свою судьбу.

Но христианин живет в другой плоскости миробития, в другом мире, не определяемом астрологическими и оккультными силами. Может быть, на кого-то они и оказывают влияние, но не на того, кто живет жизнью Христовой и кого ведет по жизни Дух Святой.

Св. Амвросий Медиоланский успокаивает нас: *«Господь, взявший на себя наш грех и простивший ваши согрешения, способен защитить вас и сохранить вас от козней диавола, сражающегося против вас, чтобы враг, привыкший породить порок, не наступил вас. Доверяющий Богу не страшится беса. “Если Бог за нас, кто против нас?” ([Рим. 8:31](#))».*

Однако и защищаемый Богом от лукавых воздействий не должен уповать только на помощь Божию и проявлять нерадение. *«Желающий устоять против обходов диавола и сделать их безуспешными, сделаться причастным Божественной Славы должен со слезами и воздыханиями, с ненасытным желанием и пламенной душой, ночь и*

день искать Божией помощи и Божественного заступления. Желаящий же получить это должен очистить душу свою от всякого мирского сладострастия, от всех страстей и похотей» (св. Феодор Эдесский).

Яко Твое есть Царство и сила, и слава во веки. Аминь[^]

Данные, заключительные, слова (славословие) отсутствовали в подлинном тексте Евангелиста Матфея, однако позже вошли в церковное молитвенное употребление.

В этом нет ничего необычного. Если Молитва Господня постоянно использовалась христианами в личной и общественной молитвенной практике, естественно было придать этой Молитве канонический, традиционный вид, а в то время все молитвы заканчивались славословием Богу. Вспомним, что в древности Священное Писание переписывалось от руки. Бывало, что переписчик, работающий над созданием нового кодекса, встречаясь с *темным*, непонятным его современникам местом, на полях оставлял свое замечание. И если это замечание проясняло мысль Священного Писания, то позже, другой переписчик мог вставить его в текст. Современными библеистами, изучающими и сличающими рукописи Священного Писания, выявлено в Новом Завете несколько таких вставок. Подчеркнем: все они ни в коей мере не нарушают смысла Священного Писания, но, напротив, проясняют, уточняют. Более того, можно прямо сказать, что эти вставки – не плод личных соображений какого-либо автора, но плод коллективного творчества всей Церкви. В то время было немало верующих, знавших Новый Завет, постоянно читавшийся за богослужением, наизусть. Если бы ухо древнего молящегося уловило что-то иное, противное истине, ошибка была бы немедленно исправлена. Значит, внесенные в текст дополнения (всего-то их во всем Новом Завете несколько фраз) не воспринимались как что-то чуждое Священному Писанию.

То же произошло и с этими заключительными словами Молитвы Господней. Они были внесены Церковью в писание Евангелиста Матфея как органическое заключение Молитвы.

Уже во втором веке во время богослужения верующие после слов Молитвы Господней произносили «*Ибо Тебе подобает сила и слава во веки*» (*Дидахи* 8:2), Апостольские постановления III–IV веков предписывают заключать Молитву Господню формой: «Яко Твое есть

Царство и сила, и слава во веки. Аминь». Эти слова и входят в Евангелие от Матфея как заключительные слова Молитвы Господней^[8]. В четвертом столетии, комментируя Евангелие от Матфея, св. Иоанн Златоуст уже не сомневается, что эти слова принадлежат Самому Спасителю, хотя за сто лет до него Ориген, в своих комментариях на Молитву Господню, об этих словах даже не упоминает.

Сегодня в Православной Церкви после слова *слава* добавляется – *Отцу, и Сыну, и Святому Духу*.

Часто возникает вопрос: если во время богослужения эти слова произносит священник, то можем ли и мы их читать, когда священника рядом нет? Разъяснение по этому поводу нам дает церковный документ «[Православное исповедание Кафолической и Апостольской Церкви Восточной святителя Петра Могилы](#)»: «*Дабы придать большую важность сей (Господней) Молитве, во время молитвословий общественных произносит слова сии священник. В случае же отсутствия священника, непогрешимо и мирянам, если во время честнаго молитвословия произнесет оныя. Посему никогда не должно отделять сих слов от Молитвы Господней*».

Заключение[^]

Подведем итог нашего краткого исследования Молитвы Господней.

А) Эта молитва была дана Христом на разговорном арамейском языке, а не на священном древнееврейском языке – языке иудейских молитв и богослужения. Тем самым Спаситель Своим ученикам показал, что молитва должна быть интегрирована, вплетена в нашу жизнь. Для нас разговор с Богом не должен быть церемонией, параллельной нашей обычной жизни, как это часто бывает у нас, когда мы в течение всего дня живем обычной жизнью, а вечером встаем на молитву. Молитва должна постоянно произноситься нашими устами, быть в нашем уме.

Б) Молитва очень коротка и удобна для запоминания. Вероятно, Спаситель хотел, чтобы Его ученики часто ее вспоминали и произносили.

В) Молитва избегает льстивых слов в отношении к Богу, в ней нет высокопарных фраз – это, по сути, живой и искренний разговор сына/дочери с родным Небесным Отцом.

Г) Но при этом Молитва в начальных словах напоминает нам о величии Господа, обитающего на Небесах, и нам заповедуется святить Его Имя. То есть, в Молитве нет фамильярности; человек должен осознавать дистанцию, отделяющую его от Всевышнего.

Д) Тем не менее, Молитва включает в себя такие естественные для человека темы, как просьба о пропитании, о защите от зла и проч. То есть, это молитва, обращенная к родному Существо, Которое, конечно, слышит нас и откликнется.

Е) В Молитве Господней очень силен аспект нашей личной ответственности за то, что происходит. Бог будет нам прощать наши долги по отношению к Нему, если мы сами умеем прощать ближним, и др.

Ж) Многие прошения сформулированы не конкретно и подразумевают поливариативность в восприятии. То есть, каждый человек может увидеть в молитве что-то свое, личное. Это совершенно допустимо; похоже, Христос так и хотел.

Есть много и других аспектов, впрочем, о них было сказано в работе.

В заключение попробуем переложить Молитву Господню на наш разговорный язык. Мы определили, что именно значат прошения этой молитвы. Это позволяет более глубоко понять, как мы можем обращаться к Богу, о чем Его просить.

Отец наш, обитающий в Небесном мире,

Да прославишься Ты в наших делах!

Да наступит долгожданное Царство Твое!

Да совершается в мире воля Твоя премудрая и преблагая, как она безусловно совершается в Ангельском мире.

Дай нам все необходимое для жизни на сегодня и на завтра!

Прости нам долги наши пред Тобою, как и мы учимся и стараемся прощать всех виноватых перед нами.

Непусти нам впасть в ситуации, в которых мы упадем, согрешим, унижим нашу веру.

И избавь нас от всякого зла.

Ибо Твои и Царство, и Сила, и Слава всегда и навеки.

Примечания[^]

1. Кроме вариантов Луки и Матфея, есть еще вариант Дидахи (8, 2-3). Вариант Дидахи близок к варианту Матфея, но имеет и свои особенности. Дидахи написано чуть позже, чем Евангелие от Матфея. Автор Дидахи знает Евангелие от Матфея, но Молитву Господню приводит не по Матфею, а по тому, как он помнит ее из своего богослужения. То есть, до второго века были возможны разные варианты произнесения Молитвы Господней.

2. См.: [Мк. 1:35; 6:46; Мф. 14:23; Лк. 5:16; 6:12; 9:18](#) и др.

3. Пример нагромождения эпитетов – гимн Исиде у Апулея в *Метаморфозах* 11, 2. См. также: Теренций 5, 1, 6-7; Лукиан, Тимон. 11.

4. Мишна. Брахот 4, 8а, 45; Брахот 29а и др.

5. Намек на это находим в Исх. 1: 22сл. Здесь Господь повелел евреям собирать манну накануне субботы на два дня: на сегодня и на завтра. А суббота считалась в библейские времена прообразом Царства Божьего (ср. Евр. 4: 1сл.). Когда Христос повелевает молиться о хлебе *на завтра*, потому что сегодняшней Он нам и так дал, не намекает ли это на эсхатологическое «завтра»?

6. В Синодальном переводе – «ради».

7. Напомним, что эта женщина облечена в солнце, под ногами ее луна, на голове венец из двенадцати звезд ([Откр. 12:1](#)), то есть, женщина выглядит как невеста. Израиль в библейской символике представлялся невестой, женой Божией. Двенадцать звезд – двенадцать колен Израилевых, солнце и луна подчеркивают отличия царственного и священнического колен (т.е. Иуды и Левия). Здесь же они подчеркивают царственное и священническое достоинство народа Божьего как такового.

8. Понятно, что в Евангелие от Матфея заключительные слова: «Яко Твое есть царство...» входят именно потому, что для богослужебного употребления Древней Церковью был воспринят вариант Молитвы Господней, оставленный Матфеем. В Евангелие от Луки эти слова внесены не были.